

УДК 82.09

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ Ю. И. СЕЛЕЗНЁВА

А. М. Бойников

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье исследуется своеобразие методологической трактовки предмета и задач литературной критики, предложенное Ю. И. Селезнёвым. Особое внимание уделяется обоснованию мировоззренческой и практической актуальности данной трактовки для критических оценок как общих тенденций развития литературной критики, так и отдельных произведений современной русской литературы.

Ключевые слова: *литературная критика, русская литература, мировоззрение, идеология, Ю. И. Селезнёв.*

Профессиональная критика находится между художественной словесностью и литературоведением. Литературовед имеет дело с уже определённым литературным фактом, даже если факт этот только родился. Литературный критик обращается к явлению, ещё не признанному, и потому нуждающемуся если не в признании, то в оценке. «Литературно-критическая деятельность, – утверждал В. Е. Хализев, – не просто хронологически предшествует историко-литературным и собственно теоретическим обобщениям, но и составляет их предпосылку. Литературовед как учёный приходит к тем или иным выводам не в малой степени на основе литературно-критических суждений. Говоря проще, критика составляет почву научного литературоведения» [4, с. 91–92]. В данном аспекте представляют очевидный интерес не являвшиеся пока объектом научного изучения методологические оценки и подходы к предмету и задачам литературной критики, предложенные Юрием Ивановичем Селезнёвым (1939 – 1984), одним из выдающихся и оригинальных критиков второй половины XX в.

Основной работой Ю. И. Селезнёва по затрагиваемой проблематике является его статья «Ответственность (*Критика как мировоззрение*)» (1979), в которой он в доказывал, что «подлинное назначение критики – быть политикой, идеологией, философией посредством самой литературы, которая и есть для критика воплощённые в художественном образе, национальные, государственные, общемировые, духовные, нравственные, общественные, идеологические процессы, конфликты, проблемы эпохи» [3, с. 151].

Включение в один ряд с духовностью, нравственностью и философией идеологии и политики может сегодня показаться пережитком советского литературоведения. На самом деле это не так. «Литература, как известно, всегда была, есть и будет полем и оружием борьбы идей, – писал Ю. И. Селезнёв. – Особенно велика её роль в современной идеологической борьбе. Установление в общественном сознании подлинных идейно-художественных

общенародных ценностей – значительное завоевание не одной только литературы, но – подлинно всего нашего общества. И роль критической мысли в этом завоевании приуменьшать нельзя» [3, с. 161–162].

Следует отметить, что в то время речь шла, конечно, о социалистической идеологии. Однако общества без идеологии не бывает, и потому критика и в начале XXI в. так или иначе, но утверждает вполне определённые идеологические ценности (к тому же в плюралистическом обществе борьба идей естественна), а для Ю. И. Селезнёва в комплексе общенародных ценностей их идейное содержание неотделимо от совершенной художественной формы: «Критика – важнейшее орудие современной идеологической борьбы. Утверждение общенародных идеалов, в том числе и **идеалов прекрасного** (выделено нами. – А. Б.), – одна из главнейших задач критики...» [3, с. 162]. В условиях сегодняшней ожесточённой борьбы за подлинные, утверждённые историческим временем наши национальные ценности и идеалы (которые, кстати говоря, выхолащиваются из общественного сознания и новыми списками литературы для обязательного прочтения и изучения в средней школе), актуальность этой глубокой мысли вне всяких сомнений. Более того, она указывает современным критикам важнейший мировоззренческий ориентир их творчества.

Таким образом, Ю. И. Селезнёв рассматривал критику как инструмент адекватной интерпретации мировоззренческой (т.е. включающей в себя и политику, и идеологию, и философию) сущности литературы, её миссию как «формирование общественного сознания» [3, с. 160], а личность критика как «мыслителя, философа, идеолога, **освещающего пути развития** (выделено нами. – А. Б.) той области духовной жизнедеятельности общества, человечества, которую мы называем литературой» [3, с. 151]. В его концепции литературный критик – это подлинный исследователь, прогнозирующий пути системной эволюции литературы.

Одновременно размышляя о значении критики в развитии национальной культуры в целом, Ю. И. Селезнёв отмечал:

«Возрождение и потребительство – два резко противоположных отношения к культуре. За ними стоят и разные, полярные же основания двух разных типов мироотношения, то есть отношения к миру в его Целом: творческого, созидательного и – утилитарно-иждивенческого, порою хищнического, паразитарного разрушительства. <...>

Задача истинной критики – воспитывать в обществе сознание Возрождения и бороться с психологией потребительства. Задача – мироотношенческая, идеологическая. Ответственнойшая» [3, с. 168].

Широко распространённая в литературных кругах 1960–1970-х гг. «юбилейная», елейная критика не соответствовала, по мнению Ю. И. Селезнёва, званию «истинной критики» [3, с. 153]. Такая конъюнктурная критика подталкивает её приверженца к тому, что он «в своём упоении звонкими пустыми словесами, видно, и сам уже не разбирает, “хвалит” или “ругает” своего подопечного...» [3, с. 139]. Падение оценочных критериев Ю. И. Селезнёв ощущал как болезнь современной ему критики, которую он связывал с идеалом отношений между критиком и писателем: «И если уж говорить об идеале, то прежде всего нужно говорить о **высоте тех оценочных**

критериев (выделено нами. – **А. Б.**), которыми мы сегодня пользуемся» [3, с. 147]. А поскольку критик при осмыслении творчества конкретного писателя «сообразуется со своим идеалом» [3, с. 147], то для одного «и средней руки литератор уже “светило первой величины нашего времени”, поскольку другие пишут и похуже. Иной же даже и к действительно лучшим сегодняшним писателям предъявляет серьёзные претензии...» [3, с. 147].

Разница между писателем и критиком, по мнению, Ю. И. Селезнёва, «кроется, прежде всего, в разности их интересов и целей, проистекающих от разного отношения к общенародной, общенациональной жизни» [3, с. 147], но в идеале «такие отношения могут и должны быть равноправными, основанными на взаимопонимании, на единстве целей...» [3, с. 147]. В этом случае высказанная объективным критиком «горькая, но доказательная правда, сообразуемая с высокими идеалами, продиктованная искренней заинтересованностью в судьбе литературы, думается, скорее приведёт к взаимопониманию между писателем и таким критиком» [3, с. 147–148].

Однако и у писателя, считал Ю. И. Селезнёв, также могут возникнуть претензии к критику: «Наконец, и критик, который подходит к оценке творчества современного писателя или литературного процесса в целом с мерой высоких идеалов, должен быть готов выслушать ответный и столь же закономерный упрёк писателя или читателя: ну, а сам ты зачем не Белинский, не Аполлон Григорьев, не Добролюбов? Какою мерою судишь, тою и сам судим будешь. На этом пути не дождёшься взаимопонимания. И всё же тут взаимонепонимание – на поверхности, а в основе – взаимодействие» [3, с. 148].

Отсюда следует очень значимый вывод для литературно-критической методологии Ю. И. Селезнёва:

«Трудно не согласиться с тем, что восстановление в сознании нашей современной литературы и общества в целом высоких критериев оценки идейной и художественной значимости творчества, в том числе и критического творчества, – одна из важнейших задач и обязанностей критики. Но важно, чтобы такой идеал, как мера оценки нашей текущей литературы, не приводил бы, с одной стороны, к этакому высокомерию критиков, с другой – к справедливой иронии писателей...» [3, с. 148].

Ю. И. Селезнёва также волнует сопутствующая проблема – определение критикой степени таланта писателя, в чём весьма легко можно ошибиться: «Сегодня нам куда проще осознать, что такое Пушкин, нежели его современникам. Многие ли при его жизни представляли себе масштабы и значение этого явления и не для одной лишь литературы? Не случаен же “эффект” Писарева, отказавшего Пушкину не только в общественной значимости, но даже в уме и таланте... Не так ли и мы сегодня порою заблуждаемся (иногда и из лучших побуждений) в истинном соотношении ценностей? Критика, безусловно, может и обязана воспитывать вкус и сознание общества на самых высоких образцах литературы, подсказывать читателю основания для различения истинных и мнимых ценностей, но – судьёй в подлинном значении этого слова, но истинным судьёй могут быть, согласитесь, только время и всенародное признание или же отвержение и забвение тех или иных кумиров» [3, с. 149].

По его мнению, здесь существуют две опасности: «безосновательное захваливание модных писателей», которое «столь же опасно, как и недооценка, превратное истолкование творчества действительно серьёзных писателей, общественно значимых явлений современной литературы. И в этом плане ответственность критики велика» [3, с. 149–150], тем более что талант истинного критика «заключается в способности судить сегодня от имени времени и общества, с точки зрения потребностей его общественного, духовного, нравственного, эстетического движения» [3, с. 150]. Такой подход к оценке произведений литературы следует, на наш взгляд, считать мерилом объективности критика.

В статье «Право на ответственность» (1979), которая содержит раздумья о творчестве молодых литераторов, Ю. И. Селезнёв выделил следующую немаловажную и ответственную задачу литературной критики:

«Вовремя заметить молодой, начинающий талант, привлечь к нему внимание читателей, помочь самому автору увидеть свои сильные стороны, укрепить в нём сознание своей творческой состоятельности и общественной нужности...» [3, с. 326]. Очевидно, что самому писателю трудно выяснить, состоялся ли он как художник слова и каков уровень его творчества. Поскольку «сегодняшние молодые авторы завтра будут определять собой лицо нашей литературы, а литература, как мы знаем, отражает думы, чаяния, мысли, настроение всего нашего общества, народа» [3, с. 325], то формирование писательской индивидуальности обуславливается всей полнотой её социокультурных связей: «Творческое становление молодого писателя – это не только его профессиональное возмужание, но и нравственное, духовное, гражданское становление его как личности» [3, с. 332].

В оценке литературного произведения Ю. И. Селезнёв исходил из внутренних свойств текста и многосторонних современных духовных потребностей общества. По этой причине он в качестве более серьёзной болезни современной литературной критики выделил «алгоритмию» [3, с. 140] и сделал обоснованный вывод о том, что «критическая дистилляция литературы, как и “математизация” её поэтического мира, “конструктивизация» её совести и тому подобные “загрязнения” – только разные стороны одного и того же “критического” пути, пытающегося увести читателя и литературу в область, слишком далёкую от интересов и самой литературы, и читателя» [3, с. 142].

Ю. И. Селезнёв подчёркивал полезность и необходимость критики не только для писателя, но и «для несознательного читателя, которого ещё нужно образовывать, как котёнка несмышлёного, толкать носом в блюдечко с молоком, да и нам – рассказать поболее того, что мы знаем, ну там, где и когда родился писатель, что ещё написал, что думают о нём другие читатели, кого ещё стоит почитать... Критики – люди учёные, пусть себе копаются в архивах и расширяют наш кругозор, удовлетворяют всё возрастающие потребности читателя в любознательности. В этом смысле кто же станет отрицать значение критики? <...>

Словом, критика нужна и полезна, пока она выполняет своё прямое назначение, пока не высказывает претензий, выходящих, так сказать, за рамки её профессионального предназначения» [3, с. 145].

В статье «Ответственность (*Критика как мировоззрение*)» Ю. И. Селезнёв полемизирует и с другими взглядами на литературную критику: «Взгляд на критику (а не на отдельных её представителей) как на нечто второсортное, находящееся не в едином литературном процессе, а как бы вне его, при литературе, обслуживающее её, всегда был чужд и неприемлем для русского писателя...» [3, с. 151]. По его убеждению, «понятие о критике как о своего рода служанке литературы – вредно и обоюдоопасно», а «высокомерно-пренебрежительное отношение к критике... привело, как известно, на Западе к резко противоположному и столь же противоестественному соотношению ценностей» [3, с. 152]. Все процитированные выше высказывания Ю. И. Селезнёва доказывают, что наряду с мировоззренческой сущностью критики он утверждал в правах её аксиологическую направленность. Обращая внимание на идею относительности (релятивности) нравственных ценностей, Ю. И. Селезнёв акцентирует её главную опасность – разрушение духовно-нравственных основ общества:

«Созидать, творить, как мы знаем, всегда сложнее, чем разрушать. Не потому ли во всё времена были попытки выдавать разрушение за творческий акт, равноценный созиданию? Правда, по вполне понятным причинам для того, чтобы общество могло принимать разрушение за созидание, необходимо предварительно посеять в его сознании идею относительности всех ценностей, сомнение в значимости общественных идеалов, в представлениях о красоте, правде, добре, истине...

Капля дёгтя, как мы знаем, портит и целую бочку мёда, но даже и ведро мёда не способно сделать бочку дёгтя съедобной. Малая толика зла в короткий срок способна разрушить создаваемое веками» [3, с. 162]. Отсюда вытекает чёткая задача для критики – вести мировоззренческую борьбу с аксиологической релятивностью в рамках своего непосредственного творческого предназначения. Никакое «упование на объективные законы не освобождает критику от серьёзного отношения к любым формам разрушения художественных ценностей, что всегда связано и с попытками разрушения общественного сознания под самыми, естественно, благовидными предложениями» [3, с. 162–163].

В этом ракурсе Ю. И. Селезнёв заостряет проблему взаимоотношений классики и современности, разглядев в ней одну из тревожных тенденций тех лет, которая сегодня стала господствующей:

«Как никогда остро, злободневно стоит ныне вопрос об отношениях: классика и современность. Злободневно, потому что речь идёт не просто о нашем творческом или же варварски-потребительском отношении к духовному наследию, но и о том, что за тем или иным отношением к наследию стоит и наше мироотношение в целом. Попробуем разобраться хотя бы в существовании такого, ставшего сегодня буквально поветрием, явления, как “осовременивание” классики. Нет, не в творческом выявлении современного звучания величайших духовных достижений человеческого гения, но именно – в “осовременивании”, попытке подчинить творения Титанов потребностям собственного самоутверждения» [3, с. 163].

В качестве примера он полемизирует со статьёй известного театрального критика А. П. Свободина «Сезон обещает быть...», где говорится

о постановке в Рижском театре русской драмы режиссёром М. Г. Розовским спектакля «Убивец», являющегося сценическим парафразом романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»:

«То, что играет театр, отнести к какому-то знакомому жанру нельзя... Постепенно вырисовывается глобальная постройка. <...> Постройка пульсирует, вспыхивает то психологическими дуэтами, то водевилем, то балаганом, то философским диспутом, длящемся минуту, то концертом, то прозой, то стихами, как бы продолжающими или заменяющими прозу. А над этим – обволакивающая музыкальная стихия (не музыка, а именно музыкальная стихия!), разработанная столь же неожиданно с применением разнообразных, парадоксально состыкованных музыкальных средств...» [1].

Позиция Ю. И. Селезнёва по поводу такого воплощения классики на театральной сцене мировоззренчески непримирима:

«В данном случае объектом “скрещения” был выбран роман Достоевского “Преступление и наказание”. Очевидно, можно ожидать в ближайшее время появления и других монстров, произведённых “непредсказуемой фантазией М. Розовского”. Отчего же “непредсказуемой”? Если русская классика станет сырьевым материалом для “неприкаянных сыновей нашего театра”, то вполне можно предвидеть и “Тихий Дон”, скрещённый с опереттой, и “Войну и мир” с представлением под куполом цирка, и лирику Пушкина – с эстрадной хохмой... Ибо тогда уж – всё дозволено» [3, с. 163].

Об этом же он писал и в книге «Глазами народа» (1986):

«Русская классическая литература в целом и творчество едва ли не всех великих её представителей и создателей начали подвергаться ревизии, перетолкованию в духе “новейших идей” (Пушкин – презирал народ как чернь; Гоголь – пророк чертобесия; Лермонтов – певец сверхчеловека; Достоевский – предтеча Ницше; Толстой – ясновидец плоти; Чехов – апостол безыдейности и т. д. и т. п.)» [2, с. 297]. В результате происходит нивелировка подлинных духовных ценностей, и произведения, в которых они воплощены, уравниваются в правах с низкопробными поделками массовой культуры:

«Вот так каждый своими, доступными ему средствами (режиссёр – “берущими за душу откровениями театра”, поэт – “эквивалентом прозы”, критик – восторгами) утверждает, вернее, пытается утвердить в нашем сознании равноценность, равнозначность истинной свободы творчества и кошунственного произвола, продиктованного творческим бессилием (свобода творчества – это свобода совести творца, основанная на его гражданской ответственности, а не свобода от совести, не безответственность); равноценность и равнозначность подлинно вершинных достижений человеческого духа – и дешёвых полуфабрикатов так называемой массовой (что отнюдь не тождественно – демократической), так сказать, культуры; русской классики – и заурядной эстрадной песенки...» [3, с. 163–164]. Ю. И. Селезнёв вновь поднимает критику на философский уровень: «...критика, желает она того или нет, всё-таки всегда – мироотношение. Иное дело – какое мироотношение. Какого рода и какой природы» [3, с. 164].

В осмыслении понимания целей и задач критики Ю. И. Селезнёв исходил из понимания литературы в целом. Одно дело, «если литература это

только особый способ личного самоутверждения или самовыражения с помощью определённой системы знаков (о чём в конечном счёте твердят теоретики и практики различных школ формализма, модернизма, авангардизма)... Тогда и задачи литературной критики действительно чисто профессиональные: толковать, комментировать. Что в одной ситуации и осознаётся как прислужничество, а в другой – как господство» [3, с. 152]. Если же литература воплощает национальное своеобразие и духовные потребности народа, то «в таком случае иные и цели и задачи критики, имеющей дело не просто с повестью такого-то прозаика или стихами такого-то поэта, но с “великими порывами духа” целой нации, народа, запечатлёнными в художественном слове. Тут уж не до господства и не до прислуживания. Тут вступают в силу совершенно иные категории. Тут нужен не комментатор, но действительно – мыслитель, философ, идеолог, обладающий, кроме того, высококачественным художественным вкусом, чувством прекрасного» [3, с. 153].

Ю. И. Селезнёв выделяет мироотношенческую функцию литературной критики и трактует её также в аксиологическом ракурсе:

«В наши дни широко начал бытовать, например, тезис о необходимости бережного, хозяйского отношения со стороны критики ко всем без исключения пишущим в стихах и в прозе. Кто же спорит, в хозяйстве, конечно, может пригодиться всё и вся, и забывать об этом нашей критике не пристало, но... Можем ли мы представить себе, скажем, того же Белинского, который бы заявил нечто вроде следующего: “За истекший период на ниве российской словесности славно поработали Бенедиктов и Пушкин, Гоголь и Булгарин, Каченовский и Лермонтов” и т.д. и т.п.? Очевидно, такое было невозможно, и именно хозяйское, именно бережное отношение к литературе, диктуемое общественными идеалами и целями, заставляло нашу критику отделять доброе зерно от злокачественного, мертворождённого. Да при этом, мы видели, критика наша не сумела избежать ни ошибок, ни просчётов, и тем не менее это была критика ответственная, принципиальная, руководящая, в полном смысле этого понятия, и – мироотношенческая» [3, с. 157–158].

Здесь Ю. И. Селезнёв поднимает вопрос и об ответственности критика за восхваление того, что этого восхваления недостойно:

«И вот что любопытно: если один современный автор использует произведение другого для собственных нужд – такой поступок осуждается по закону как плагиат. Если интерпретатор так интерпретирует произведение своего современника, что это уничтожает либо искажает произведение интерпретируемого (в кино, театре, музыке, и т.д.), то автор опять же имеет законное право восстать против подобного “сотворчества”. <...> А вот бесцеремонное, иждивенчески-утилитарное обращение с классической сокровищницей нашей духовной, художественной культуры некоторых “неприкаянных детей” современных новаций, взявших на себя ох и не лёгкую миссию подтянуть отечественную классику к уровню западных образцов массовой культуры, до сих пор ещё квалифицируется порою как творческий поиск, эксперимент...» [3, с. 165]. Такой подход к классике, имея в виду его разрушительность, критик прямо назвал «геростратизмом» [3, с. 165].

Утверждая принцип несовместимости таланта с разрушением, он даёт ещё один инструмент литературному критику:

«Да и возможно ли проявление таланта на почве разрушения, глумления, варварского либо циничного отношения к материальным и духовным ценностям, тем более национального, общенародного, мирового масштаба? Я что-то не могу припомнить примеров из опыта истории вообще и культуры в частности. <...> Гений, талант – категории творческой, созидательной жизнедеятельности. Вы скажете – история знает и слишком много впечатляющих примеров разрушительной, геростратовой славы. Да, это так, но именно сочетание эгоистической жажды славы, самоутверждения любым способом с творческим бессилием, с неспособностью что-то создавать и толкало геростратов всех времён утверждать себя на пепелище храма Артемиды. Конечно, для этого тоже требуются определённые задатки, но они восходят к иным понятиям, нежели понятие – талант» [3, с. 164–165].

Подводя итог своим рассуждениям, Ю. И. Селезнёв пишет:

«Задачи, цели, назначение истинной критики, как и всякого подлинного творчества, – созидательные. Отрицание – лишь необходимый момент критического движения мысли. В общественном сознании такой роли и значимости критики видятся мне и показатель её собственного гражданского возмужания, и залог общественного духовного движения вперёд. Во взаимообусловленном триединстве: литература – критика – общество» [3, с. 178]. Таким образом, в его концепции литературно-критической деятельности актуализируется и социальная, гражданская функция критики.

Комплекс задач литературной критики, сформулированный Ю. И. Селезнёвым, аккумулирует в себе научность, познавательность, аксиологию, способность улавливать потребности идеологического, духовного и эстетического движения общества, примат созидательности над допустимым отрицанием, неприятие идеи релятивности нравственных ценностей в какой бы то ни было форме, стремление к взаимопониманию между писателем и критиком, ответственность за оценки и прогнозы, воспитательную и гражданскую функции. Он вооружает современных критиков востребованным и действенным методологическим инструментарием, остро необходимым для изучения, осмысления и объективной оценки произведений русской литературы начала XXI в.

Список литературы

1. Свободин, А. Сезон обещает быть... [Текст] / А. Свободин // Литературная газета. – 1979. – 10 января. – С. 8.
2. Селезнёв, Ю. И. Глазами народа : Размышления о народности русской литературы [Текст] / Ю. И. Селезнёв. – М. : Современник, 1986. – 352 с.
3. Селезнёв, Ю. И. Мысль чувствующая и живая : Литературно-критические статьи [Текст] / Ю. И. Селезнёв. – М. : Современник, 1982. – 336 с.
4. Хализев, В. Е. Интерпретация и литературная критика [Текст] / В. Е. Хализев // Проблемы теории литературной критики : сб. статей ; под ред. П. А. Николаева, Л. В. Чернец. – М. : Издательство МГУ, 1980. – С. 49–92.

**THE OBJECT AND PURPOSE OF LITERARY CRITICISM IN
METHODOLOGICAL INTERPRETATION BY Y. I. SELEZNEVA**

A. M. Boynikov

Tver State University

The department of journalism and contemporary Russian literature

The article investigates the identity of the subject and the methodological problems of interpretation of literary criticism by Y.I. Seleznev. Special attention is paid to the justification of the ideological and practical relevance of the treatment for critical assessments of both general trends in literary criticism, as well as individual works of modern Russian literature.

Keywords: *literary criticism, Russian literature, philosophy, ideology, Y. I. Seleznev.*

Об авторах:

БОЙНИКОВ Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: zoil69@mail.ru